

Diachronic relationships of oral and written traditions in the context of ethnic and cultural pseudomorphisms

Kanimetov E.

Диахронические отношения устной и письменной традиции в контексте этнокультурных псевдоморфоз

Каниметов Э.

Каниметов Эмиль / Kanimetov Emil - кандидат философских наук, проректор по науке, Кыргызский государственный университет им. И. Арабаева, г. Бишкек, Кыргызская Республика

Аннотация: основная тема статьи - псевдоморфозы духовных традиций этнокультуры и вопросы передачи духовного опыта.

Abstract: the main topic of the article pseudomorphs spiritual traditions of ethnic culture and the issues of transfer of spiritual experience.

Ключевые слова: макросоциальные проекты, процессы в этнокультуре, традиция.

Keywords: macro-projects, processes in ethnic culture, tradition.

Под напором макросоциальных идеологий и проектов рухнули или сохранились в форме псевдоморфоз (зачаточном виде) духовные традиции этнокультур, которые не вписывались в матрицу модерна. Субъекты и хранители этих традиций, в тот период, начали разделяться на два полюса; одни, признав отчасти свое поражение, стали секуляризоваться и приспосабливаться к новым условиям существования, променяв в некотором роде духовно-сакральные принципы на конъюнктурные интересы, тесно связанные с личным выживанием. Другие, более бескомпромиссные и последовательные настроенные, никогда не шли на уступки общей волне, сохраняя в чистоте все полноту своих духовных традиций в латентном виде.

Вышесказанное является верным и в отношении к феномену эпоса «Манас» - грандиозному творению традиционной устно-поэтической культуры. Приобщенные к нему и еще вчера жившие в традиционной культуре люди, с одной стороны, начали его приспосабливать к новым условиям существования, записав «Манас», который столетиями оставался самодостаточным и еще не нуждался в «костылях» письменного слова. Многие променяли его сакральность на застывшие рамки соцреализма, сциентизма и материализма в этих новых условиях макросоциальных проектов. Такой подход можно заметить почти во всех интерпретациях феномена устно-поэтического наследия (на примере «Манас») деятелей литературы и культуры советского, постсоветского и даже досоветского периода. Подобную трансформацию формы, мотивов или, точнее, псевдоморфозы устно-поэтических феноменов можно было заметить и в эпохе другого глобального проекта, основанного на религиозно-идеологической матрице ислама. Под давлением различных клерикально-идеологических редуций в различные эпохи и влиянием быстро изменяющейся окружающей среды «Манас» претерпел значительные псевдоморфозы, но сохранил опыт и уникальный механизм передачи сакральных основ этнической культуры.

В этой связи представляет интерес изучение проблемы диахронических отношений устной и письменной традиции, которые обусловлены различной природой их текстов. Они в определенном смысле парадоксальны. Фольклор не только предшествует книжной словесности, но также порождает ее, составляет ее прошлое. Соответственно, по отношению к литературному тексту проблема его фольклоризма может стоять даже при отсутствии какого-либо устного прототипа. Не говоря уж о не столь редких «имитациях фольклорности» - от прямых мистификаций до авторских стилизаций. Однако и при наличии таких устных источников, как «Манас», никакие документальные свидетельства и «промежуточные» записи не дают оснований судить о полноте усвоенных его традиций, о характере и степени их переработки, что, в сущности, прямо вытекает из специфической природы устных традиций.

Сказочники-аэды (певцы-манасчи) в течение многих столетий, создавая и импровизируя на основе предыдущих устных творений новые варианты, заменяя одни метафоры, имена, понятия другими, строго и безошибочно следовали нормам художественных средств в рамках синонимических устойчивых конструкций. Эти нормы, конструкции ими были унаследованы от предыдущих поколений, а импровизация не нарушала традиционных приемов. Импровизационно-вариационные замены, подстановки в кыргызских устно-фольклорных традициях используют по существу ограниченный по своему лексическому составу один словарь. В таком аспекте и смысле импровизация певцов-аэдов (манасчи) осуществляется в относительно весьма устойчивых пределах. Однако данное обстоятельство позволяет проследить действие механизма варьирования устного произведения. Тем более что сама «сущность содержания» (исходный материал) по построению достаточна элементарна, и в ней художественный прием до предела обнажен. Как известно, устно-поэтический текст представляет собой реализующуюся в каждом акте исполнения устойчивую комбинацию элементов традиции. Такая устойчивость прослеживается в эпосе Манас на всех уровнях: сюжетно-композиционном (описание основных событий как линейной последовательности, разворачивающихся во времени), стилистическом, содержательном. Практически всегда происходит определенное видоизменение повторяющихся элементов. Но причины такого изменения не сводятся ни к

особенностям устной мнемотехники (в случае возможных отклонений от основной «канвы» устного текста сообщения предполагающей некоторый «люфт»), ни тем более к неизбежным «сбоям» в «работе» фольклорной памяти (как показывает опыт эпоса «Манас», фольклорная память способна удерживать в себе огромные массивы текстов). Здесь мы имеем дело со специфической формой устной коммуникации - проекцией одного из фундаментальных свойств фольклора. Оно вытекает из соотношения в традиции начал пластичности и константности, подвижности и стабильности. Если механизм варьирования уподобим качанию маятника, то при усилении импровизаций певца-аэда этот «маятник» раскачивается с максимальной амплитудой. При этом схематически изобразим его движение в виде синусоиды. Слишком сильно выступающие «пики» такой синусоиды «срезает» устно-поэтическая традиция. Она отбрасывает все, что избыточно для этнокультурных духовных традиций, не соответствует этнокультурной духовной картине мира (модели мира устно-поэтического жанра). Она способна принять лишь то, что соответствует ее «скриптам» «фреймам» (термины когнитивной лингвистики). Тем самым происходит закрепление принятых новаций и «фильтрация» импровизационных крайностей. Как свидетельствует творчество кыргызских акынов, певцов-аэдов (манасчи) «словарь», из которого они заимствует очередное слово, словосочетание, речевые обороты, ограничен, а выбор у импровизатора не столь уж узок, но и не столь и велик. Контекстуальные синонимы связаны отношениями пространственной смежности, части и целого, типологической однородности, функциональным тождеством. Смысловые сцепления контекстуальных синонимов лежат далеко за пределами определенной (жанровой или другой) совокупности текстов. При фольклорном варьировании выбор лексического материала обусловлен подобными сцеплениями.

Помимо этого наблюдается установление своего рода «иерархии смыслов» сообщения, в соответствии с которой степень точности передачи оказывается существенно различной для разных его элементов. Так, манасчи в своих сказаниях о «Манасе» в одной и той же ситуации может называть врагов кыргызского то китайцами, то ойратами-калмаками или манжуу, они именуется по-разному - на определенном уровне это как бы «не важно». Но названия территорий, «промежуточные» города, через которые проезжает Манас и его армия, и столица врага (Бээжин т. е. Пекин и др.) в вариантах одного и того же сюжета всегда сохраняют свои названия. И богатыри (исключая Алманбета) неизменно остаются киргизскими. Соответственно, зоны значений, с которыми соотносятся синонимические пары-метафоры, являются как бы пульсирующими: максимально узкими при синонимии «полной» (общая канва текста (М. Ауезов) [1], «сущность содержания» (Ленрот) т. е. вербальные константы, основы устно-поэтического текста, сохраняемых в ней в относительной неизменности, и более широкими в случае синонимии «контекстуальной» (части, воспроизводимые гораздо более свободно (кстати, последовательность, разворачивания и сокращения текста также можно рассматривать в качестве одного из видов варьирования). «Иерархия смыслов» обусловлена картиной мира устного сообщения. С картиной мира корректируются возможный «допуск» при вариационных модификациях текста, сверяется традиция. Однако остаются неясными процедуры подобной «сверки», а также соотношение скорости исторических изменений картины мира. Тем не менее, именно варьирование устно-поэтических произведений как проявление пластичности устной традиции помимо прочих своих многочисленных свойств, функций дали ей и духовным основам этнокультуры возможность приспособляться к запретам, давлениям религиозных, клерикально-идеологических редуций [2], а также приравниваться к неизбежным внешним изменениям и тем самым вообще осуществлять свою жизнедеятельную функцию.

Литература

1. Ауезов М. Киргизская героическая поэма «Манас». М., 1961.
2. Каниметов Э. Ж. Евразийский проект и псевдоморфозы этнокультуры. Б., 2012.